

А.М. Филитов. ГЕРМАНИЯ В СОВЕТСКОМ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ 1941–1990. М.: изд-во “Наука”, 2009, 333 с.

Монография главного научного сотрудника Института всеобщей истории РАН и профессора РГГУ д.и.н. А.М. Филитова посвящена истории германского вопроса за почти 50 лет – с 1941 г., начала Великой Отечественной войны, до октября 1990 г., когда произошло объединение Германии, ставшее крупнейшим историческим событием.

Цель монографии – рассмотреть историю германского вопроса с позиций малоизученного феномена “внутрисистемного инакомыслия”, то есть показать, что при обсуждении международных проблем выдвигались альтернативные варианты, отличные от принятой линии. Анализ подходов к германскому вопросу с точки зрения возможных альтернатив позволил автору выйти на проблему противоречий и конфликтов в советском руководстве по внешнеполитическим вопросам.

По признанию А.М. Филитова, его концепция ближе всего к “постревизионистскому” направлению в изучении международных отношений, смысл которого заключается в том, чтобы находить неиспользованные альтернативные возможности, существовавшие в обоих противостоящих лагерях.

Исследователь хорошо знаком с отечественной и зарубежной историографией. Авторская концепция подкрепляется массивом архивных документов, а также опубликованными материалами. Некоторые источники впервые вводятся в научный оборот, в частности документы германских, австрийских и британских архивов.

Как показано в монографии, советское правительство с самого начала Великой Отечественной войны взялось за выработку позиции по германскому вопросу. Это был сложный многофакторный процесс, да и у Сталина по германскому вопросу в годы войны были различные высказывания. Исследователь отмечает, что в историографии имеются различные трактовки представлений Сталина о послевоенном будущем Германии. Во времена Сталина не было единого органа, который занимался бы перспективным планированием на послевоенное время: “налицо был самый настоящий плюрализм” (с. 33). Историк называет три уровня, на которых шло обсуждение вопросов будущего Германии: “комиссии” К.Е. Ворошилова, М.М. Литвинова и И.М. Майского.

Причем эксперты одной группы противостояли другой. А.М. Филитов согласен с тем, что приоритетную роль в выработке решений высшим руководством страны и в формировании реальных политических планов играла “комиссия Ворошилова”. Наиболее важные проекты документов, разработанные комиссией, утверждались лично Сталиным (с. 69).

По мнению А.М. Филитова, “характерной чертой советского планирования в отношении Германии в период 1945–1949 гг. стала непоследовательность и шарахания из стороны в сторону, отражавшие, вероятно, определенную противоречивость позиций и взглядов в высших эшелонах власти. Этот явно отрицательный феномен проявился довольно рано” (с. 118). В 1947 г. обозначился поворот от сравнительно “либеральной” модели к репрессивной. Автор полагает, что с середины 1947 г. курс на создание в советской оккупационной зоне Германии авторитарного режима стал необратимым. Причиной был “план Маршалла”, окончательно расколовший Европу (с. 101). Остается вопрос, не имелось ли менее жестких вариантов реагирования на конфронтационный курс Запада.

1949 г. стал годом раскола Германии; были образованы два германских государства – ФРГ и ГДР. Инициативу в создании ФРГ проявили западные державы. В ответ СССР пошел на создание ГДР. При этом продолжал обсуждаться вопрос о единстве Германии и подписании мирного договора. Однако в советском внешнеполитическом аппарате имелись различные представления о характере и оптимальных формах и сроках инициатив по решению германского вопроса. «То, что проект Основ мирного договора был представлен на суд общественности только 10 марта 1952 г., а советская поддержка принципа приоритетности общегерманских выборов была озвучена еще позже (9 апреля), можно трактовать как поражение “прагматиков-объединителей”, ибо к этому времени соотношение сил в западном лагере (в США, Великобритании, Франции да и в самой ФРГ) изменилось не в пользу тех, кто был склонен к компромиссу в германском вопросе» (с. 161).

1953 год А.М. Филитов называет годом “упущенных возможностей”. Историк попы-

тался разобраться в сложной проблеме советских планов по германскому вопросу. После смерти Сталина в марте 1953 г. ситуация стала постепенно меняться. Изменения начались с отказа от планов, предусматривавших дальнейшее обострение ситуации в Берлине, с попытки пересмотра прежних конфронтационных подходов. В советской политике был взят курс на отказ от прежних пропагандистских кампаний. Однако в ГДР назревал глубокий внутренний кризис. Июньские события 1953 г. ударили по либеральным реформаторам, последовал «реванш ретроградов». Как пишет автор, «компромиссное его решение становилось все менее возможным и актуальным» (с. 196). Обнаружилась явная слабость режима ГДР. В этих условиях «дипломатия западных держав впервые за послевоенный период перехватила инициативу в германском вопросе» (с. 203).

А.М. Филитов взвешенно оценивает дипломатическую деятельность В.М. Молотова. Историк опровергает утверждение, что Молотов саботировал решение советского руководства о нормализации отношений с Западной Германией. В то же время, усиление роли Н.С. Хрущева, как показано в книге, вело к переориентации советской политики в направлении замораживания ситуации в германском вопросе. Раскол Германии углублялся, противостояние блоков на германской земле усиливалось. Если по-новому взглянуть на взаимоотношения Хрущева и Молотова, как это делает автор, то Хрущев предстает как сторонник «малой разрядки», а Молотов – «большой» (с. 235–236).

В книге дана и новая оценка хрущевской «кризисной дипломатии», в которой преобладал субъективизм и опасный волюнтаризм. В германском вопросе это выразилось в развязывании второго Берлинского кризиса (1958 г.). А.М. Филитов подчеркивает, что Хрущев не запрашивал мнения экспертов и не прислушивался к нему, когда оно высказывалось. Если при Сталине допускался определенный плюрализм в планировании политических решений, то Хрущев «сам планировал и сам решал, руководствуясь собственными представлениями и замыслами, которыми он предпочитал не делиться с кем-либо» (с. 239). Речь зачастую шла об импровизированных «озарениях» лидера; они, как правило, выливались в устные указания и крайне редко в письменные документы, которые отложились в архиве (с. 243). А.М. Филитов отмечает, что дипломатическое ведомство придерживалось линии на «ограничение ущерба» от навязываемых им проектов. Инициативы Хрущева по германской проблеме и, в частности, берлинскому вопросу были, по мнению автора, неким прикрытием, за которым готовилось возведение берлинской стены

13 августа 1961 г. (с. 266–267). Возможно, не все согласятся с тезисом о том, что Хрущев с самого начала кризиса планировал закрытие границы в Берлине в качестве своей основной цели, однако авторская аргументация в данном случае выглядит достаточно убедительно.

Заслугой автора является попытка объективного анализа взаимоотношений между СССР и ГДР, между руководством КПСС и СЕПГ. Эти взаимоотношения не были безоблачными, носили сложный, противоречивый характер. А.М. Филитов справедливо констатирует, что проблема взаимоотношений между союзниками по социалистическому содружеству – одна из самых сложных и малоисследованных в историографии. При этом надо учитывать тот факт, что линия раздела между «ястребами» и «голубями» проходила не между странами и партиями, а внутри партийно-государственных структур обоих государств. Советская сторона, планируя поиск точек сближения с В. Брандтом и его окружением, столкнулась с оппозицией со стороны руководства ГДР (с. 295).

В период разрядки напряженности, по мнению А.М. Филитова, оптимальным партнером для СССР оказался именно Брандт. Автор отмечает такие его качества, как способность извлекать уроки из неудач, отказываться от иллюзий и искать нестандартные и не всегда популярные пути к успеху. Следует иметь в виду и гибкий подход советских дипломатов к новым германским инициативам. Все это открыло путь к «восточным договорам» и европейской разрядке. «На сей раз исторический шанс не был упущен» (с. 295).

Завершает книгу анализ перипетий горбачевской политики по германскому вопросу, приведшей к объединению Германии. Автор дает взвешенную оценку реалий, сложившихся к 1989–1990 гг., и в значительной степени сужавших диапазон альтернатив для советской дипломатии. Тем не менее, по его мнению, и в этой ситуации имелись определенные возможности для решений, которые в большей степени соответствовали бы интересам нашей страны и Европы в целом, чем это имело место в действительности.

Подводя итоги своего исследования, А.М. Филитов формулирует ряд выводов. Прежде всего, в советском внешнеполитическом планировании не существовало проектов, которые предусматривали бы «завоевание» всей Германии, ее «советизацию». Всегда присутствовал конфликт между моделью сохранения (либо восстановления) единства Германии на компромиссной, прагматичной основе и моделью «отграничения» восточной ее части от западной и интеграции Восточной Германии в сферу влияния СССР (с. 329). Парадокс

заключается в том, что, при максимальной жесткости и нетерпимости к инакомыслию Сталина, именно тогда практиковался и даже стимулировался плюрализм во внешнеполитическом планировании.

Если для Хрущева была характерна догматическая бескомпромиссность, то, как считает А.М. Филитов, в последние годы существования СССР проявилась другая крайность – стремление к компромиссу ради компромисса, в том числе и за счет отказа от отстаивания действительных государственных интересов (с. 330–331). Для горбачевского периода было характерно игнорирование мнений профессионалов-германистов, не оправдавшая себя вера в то, что личное обаяние лидера может заменить продуманную стратегию.

Книга не лишена некоторых недостатков. Говоря о Германии в советском внешнеполитическом планировании, желательно было бы хотя бы вкратце дать представление о том, как менялись общие внешнеполитические приоритеты СССР (оптимально – и с выходом

на современную Россию), какую роль германское направление играло и играет во внешней политике СССР и Российской Федерации. К тому же, при всей широте базы источников, отдельные важные материалы остались вне поля зрения автора¹.

В целом же монография А.М. Филитова, посвященная одной из острых проблем мировой политики XX в., отличается фундаментальностью, является серьезным вкладом в изучение истории советско-германских отношений и вызовет большой интерес специалистов.

М.Е. Ерин

доктор исторических наук,
профессор Ярославского государственного
университета

---

¹ См. например личные дневники В.С. Семенова. – От Хрущева до Горбачева. Из дневников заместителя министра иностранных дел СССР В.С. Семенова. Публикация Е.В. Семеновой и Б.Л. Хавкина. – Новая и Новейшая история, 2004, № 3, 4.

М.А. Липкин. БРИТАНИЯ В ПОИСКАХ ЕВРОПЫ. ДОЛГИЙ ПУТЬ В ЕЭС. 1957–1974 гг. СПб.: изд-во “Алетейя”, 2009, 239 с.

Великобритании понадобилось около 20 лет для того, чтобы стать полноправным членом Евросоюза (ЕС). После того, как “в течение пяти столетий Европа творила свое чудо и определяла ход мировой истории”, по завершении Второй мировой войны, “к середине XX в. она обнаружила себя сидящей на развалинах собственного дома, порушенного ее же руками”. Впервые западноевропейские страны из числа великих держав оказались перед лицом “горькой констатации случившейся катастрофы”, а также в состоянии экономической, военной и политической зависимости от своего заокеанского союзника – США. Хотя уже тогда появились лидеры, “обладающие неординарным мышлением, незаурядной политической волей и, к тому же, достаточно авторитетные, чтобы не только предложить стратегию глубоких реформ, но и убедить других в ее необходимости, а затем претворить ее в практику”¹.

Первый призыв к развитию интеграционного процесса в Западной Европе прозвучал

из уст У. Черчилля во время его выступления в Цюрихском университете 19 сентября 1946 г. Черчилль утверждал, что крушение или порабощение Европы вернуло бы ее к “временам раннего Средневековья со всей его жестокостью и убожеством”². Как случилось, что британским политикам понадобился довольно долгий срок, чтобы внять словам своего знаменитого соотечественника и занять свою нишу в “европейском доме”?

Ответу на этот вопрос посвятил свою монографию старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН к.и.н. М.А. Липкин. Работа М.А. Липкина имеет четкую целевую установку, исходящую из того, что “углубление западноевропейской интеграции на рубеже XX–XXI веков обозначило необходимость для Британии заново пересмотреть свою европейскую идентичность, а, значит, и весь опыт взаимоотношений с континентальными странами за предыдущие десятилетия” (с. 6). М.А. Липкин анализирует

---

¹ Борко Ю.А. От европейской идеи – к единой Европе. М., 2003, с. 12–14.

---

² Цит. по: Brugmans H. L'idée européenne, 1920–1970. Bruges, 1970, p. 373.